

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2013
XXII**

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
838
EXPRESS-ISSUE

2013 № 838

СОДЕРЖАНИЕ

- 107-120 О структуре и динамике областей гнездования птиц на Севере. А . А . К И Щ И Н С К И Й
- 120-124 Заметки к распространению редких видов овсянок в Прибайкалье. В . Е . И В У Ш К И Н
- 124-130 К фауне птиц озёр Акколь и Кызылколь в Малом Каратау (Южный Казахстан).
Н . Н . Б Е Р Е З О В И К О В
- 130-131 Могильник *Aquila heliaca* в окрестностях Джаныбека (Волжско-Уральское междуречье).
Г . В . Л И Н Д Е М А Н
- 131 Чибис *Vanellus vanellus* на арктическом побережье Чукотки.
М . С . С Т И Ш О В , П . В . М А Р Ю Х В И Ч
-

Редактор и издатель А.В.Бардин

Кафедра зоологии позвоночных

Биолого-почвенный факультет

Санкт-Петербургский университет

Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXII
Express-issue

2013 № 838

CONTENTS

- 107-120 On the structure and dynamics of the breeding ranges
of birds in the North. A. A. KISTCHINSKI
- 120-124 Notes on rare buntings in the Baikal region.
V. E. IVUSHKIN
- 124-130 By avifauna of the lakes Akkol and Kyzylkol
in Maly Karatau (South Kazakhstan).
N. N. BEREZOVIKOV
- 130-131 The imperial eagle *Aquila heliaca*
around Dzhanybek (Volga-Ural interfluve).
G. V. LINDEMAN
- 131 The lapwing *Vanellus vanellus*
on the Arctic coast of Chukotka.
M. S. STISHOV, P. V. MARYUKHOVICH
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.-Petersburg University
S-Petersburg 199034 Russia

О структуре и динамике областей гнездования птиц на Севере

А.А.Кищинский

Второе издание. Первая публикация в 1983*

Известно, что у некоторых птиц как границы ареалов, так и размещение внутри них не постоянно по годам. Тем не менее в качестве рабочего мнения обычно принимается, что, поскольку у птиц сильно развит территориальный консерватизм, таких случаев немного, и области гнездования птиц сравнительно стабильны. Исследования показали, однако, что во многих случаях это не совсем так. Мы попытаемся проанализировать эти вопросы на примере северных авифаун, прежде всего – авифауны северо-восточной Азии и берингийской области.

Динамика внутриареального размещения птиц

Давно уже отмечено и теперь подтверждено большим количеством данных, что численность хищников-миофагов (сов, канюков, поморников и др.) в каждой конкретной местности сильно колеблется по годам, а в годы с низкой численностью полёвок эти птицы редки и зачастую не гнездятся вообще. Локальные колебания их численности имеют большую амплитуду, не объяснимую естественной динамикой популяции. Ещё А.Н.Формозов (1934) предположил, что у этих видов ежегодно происходит перераспределение особей внутри ареала в соответствии с размещением мест интенсивного размножения грызунов. Чем больше мы узнаём о локальных колебаниях численности этих птиц, тем более верной представляется эта мысль, хотя она ещё не была строго доказана мечением†. Дополнительные факты в её пользу недавно привёл В.М.Галушин (Galushin 1974).

Впоследствии накопились данные, что резкие годовые колебания численности свойственны и многим другим северным птицам, в том числе массовым видам куликов, воробьиных и пластинчатоклювых. Это было доказано в тех или иных районах для *Clangula hyemalis*, *Pluvialis dominica*, *Phalaropus fulicarius*, *Calidris melanotos*, *C. minuta*, *C. mauri*, *Tringa erythropus*, *Acanthis flammea*, *Fringilla montifringilla* и др. (Fay, Cade 1959; Кищинский 1960, 1974; Малышевский 1962; Holmes

* Кищинский А.А. 1983. О структуре и динамике областей гнездования птиц на Севере // Тр. Зоол. ин-та АН СССР 116: 47-57.

† Мечением в стационарных условиях значительно легче доказать постоянство локальных популяций, чем их непостоянство, так как судьба особей, не вернувшихся к местам мечения, остаётся обычно неизвестной.

1966; Винокуров 1971; Кондратьев 1978; Lein *et al.* 1975; наши наблюдения). Бывает, что в одни годы данный вид в данной местности гнездится в изобилии, а в другие – совершенно отсутствует, или же встречаются лишь отдельные бродячие особи. Существенно, что во многих случаях такие колебания происходят не на периферии ареала этих птиц, а и в центральных частях области их гнездования. Амплитуда их может быть весьма велика – до 5-10-кратной. Это значительно выше, чем можно было бы объяснить естественной динамикой местных популяций. Такими большими бывают не только спады (что можно объяснить неудачным размножением и высокой смертностью в отдельные годы), но и локальные подъёмы численности.

Причины этих колебаний часто могут быть поставлены в связь с локальными погодными или кормовыми условиями, но часто остаются совершенно неясными; может быть, иногда они связаны с ситуацией не в местах гнездования, а в областях миграций и зимовок.

Эти факты дают основание думать, что здесь происходят не только (и, может быть, не столько) истинные изменения численности популяций, но и их перераспределение в достаточно широких масштабах. Мы можем предположить, что для ряда северных птиц правилом является не существование сравнительно небольших и постоянных локальных популяций, а ежегодное «перемешивание» значительной части населения, возможно, в масштабах крупных географических популяций.

Приведём некоторые дополнительные примеры.

Соотношение самцов и самок в популяциях дутыша *Calidris melanotos* колеблется от 1:1 до 1:7 и в восточносибирских тундрах (Кишинский 1974; Флинт, Томкович 1978), и на Аляске (Holmes 1966). При невысокой интенсивности размножения куликов такие колебания едва ли возможны в территориально консервативной популяции. На севере Аляски дутышей кольцевали в конце 1960-х годов несколько лет, но до 1971 года на гнездовье в этом месте не было повторно поймано ни одной птицы (S.F. MacLean, устн. сообщ.).

Показано (Schamel, Tracy 1977), что у плосконосых плавунчиков *Phalaropus fulicarius* к местам рождения возвращался в последующие годы лишь 1% молодых птиц, а к местам прошлого гнездования – 8% самцов и ни одной самки.

В некоторые годы розовые чайки *Rhodostethia rosea* у Береляха гнездятся в малом числе в немногочисленных, постоянных из года в год колониях; в другие годы – в очень большом количестве как в тех же постоянных, так и во многих создающихся только в данный год колониях (В.Е. Флинт, устн. сообщ.). В низовьях реки Колымы в 1912-1917 годах Й.Курин не нашёл колоний розовых чаек в местах, где их в изобилии встречали на гнездовании в 1905 году С.А. Бутурлин, а в 1959 году – Е.П. Спангенберг.

Приведённые факты и соображения не нужно переоценивать. Строгие территориальные связи и постоянство локальных популяций доказаны мечением, например, для чернозобика *Calidris alpina* на севере Аляски (Holmes 1966), для американского лебедя *Cygnus columbianus* (Sladen 1973), белого гуся *Chen caerulescens*, ряда популяций обыкновенной гаги *Somateria mollissima* и некоторых морских колониальных птиц. Столь же строго они доказаны для многих видов птиц в умеренном поясе. В тропических аридных областях опять становится много «номадных» видов. Общеизвестные примеры – ткачики в Африке, утки и воробьиные в пустынных районах Австралии и др.

Территориальным связям и консерватизму у птиц посвящена обширная литература, в которой высказывались весьма различные взгляды. Связи птиц с территорией значительно усложнены вследствие их сезонных перемещений. Можно, однако, из совокупности всех данных сделать заключение, что в популяциях птиц существует как территориальное «ядро» в основном из более старых особей, возвращающихся в район рождения или прошлого гнездования, так и «надстрой-ка», в основном из молодых птиц, перемещающихся в более широких пределах. Особи, вернувшиеся к прежним местам, могут не загнестись и откочевать. Например, мечение взрослых (уже гнездившихся ранее) длиннохвостых поморников *Stercorarius longicaudus* в Швеции показало, что птиц возвращались к местам прошлого гнездования даже через 4-7 лет и гнездились там в годы следующих пиков численности грызунов; в годы депрессий часть их весной появлялась там же, но они не гнездились и вскоре исчезали (Andersson 1975). Таким образом, хотя связи с определённой территорией у птиц сохранялись, налицо была фактическая смена мест летнего пребывания.

Вероятно, описываемые ежегодные «перемешивания» видового населения происходят не беспорядочно на любые расстояния, но главным образом в пределах ареалов географических популяций, связанных единством миграционных явлений. Иначе трудно себе представить, как поддерживается популяционная структура вида.

Соотношение «территориальной» и «номадной» частей популяций может быть чрезвычайно различным. Существенно, что у многих видов, в популяциях которых доминируют территориальные особи, образуются постоянные пары, а соотношение полов бывает близко к 1:1. Наоборот, у видов, для которых есть основания предполагать номадность, соотношение полов нередко несбалансированно, а брачные отношения основаны на разных формах полигинии или миксогамии. Это рассмотрено нами для дутыша и плосконосого плавунчика (Кищинский 1974; Kistchinski 1975). Вероятно, это справедливо и для других плавунчиков (Höhn 1967; Raner 1972; Hilden, Vuolanto 1972; и др.) и некоторых песочников (Pitelka *et al.* 1974). Номадность чаще встречается у

видов с малой продолжительностью жизни (быстрый оборот популяции), чем у крупных и долго живущих птиц.

Интересно, что многие северные виды птиц, для которых вероятна номадность, трофически связаны с животными, численность которых сильно колеблется по годам или сезонам. Во-первых, это – миофаги. Во-вторых, сюда же относится группа птиц, питающихся беспозвоночными, обитающими в дернине и водоёмах. Особенно важное место в их пище занимают двукрылые (во всех стадиях метаморфоза), обилие которых подвержено сильным флуктуациям во времени. Некоторые взаимоотношения в этих трофических цепях рассмотрены нами в специальной работе (Кищинский 1978). В лесной полосе номадность свойственна ряду выюрковых птиц, питающихся семенами, урожаи которых нестабильны. В целом, «номадный» тип популяционной организации можно рассматривать как один из путей адаптации к использованию флуктуирующих ресурсов в нестабильных экосистемах. Понятно, что он легче формируется в неустойчивых аридных и северных экосистемах, особенно в арктических тундрах. Наоборот, стабильные экосистемы благоприятствуют «территориальному» типу организации популяций.

О структуре области гнездования

Непостоянство внутриареального размещения во времени отражается и на пространственной структуре ареалов.

Изучая распространение птиц на Севере, мы убедились, что изучение, например, областей гнездования на основе недифференцированных летних встреч (а тем более на основе музейного материала) часто не отражает действительного положения дел и, прежде всего, для таких групп, как гусеобразные, кулики, чайки и совы. Необходимо базироваться на фактических гнездовых находках. Как уже сказано, в одной и той же местности вид может в одно лето гнездиться в изобилии, в другое – отсутствовать вообще, а в третье – регулярно встречаться, но не гнездиться. Массовое негнездование – хорошо известное явление для северных птиц. На периферии ареала эта нестабильность проявляется в форме непериодических пульсаций, на фоне которых происходят общие изменения границ ареалов. Отсюда вытекают следующие выводы, важные в методическом отношении.

Отсутствие вида при одногодичном, хотя бы и очень детальном обследовании, ещё не доказывает, что данная территория находится вне его ареала. Только серия отрицательных данных позволяет исключить эту местность из области нормального распространения вида.

Суммируя все имеющиеся сведения о гнездовых находках, мы получаем, так сказать, максимальную или **общую область гнездования вида**, включающую как места регулярного и нерегулярного гнездования, так и лежащие между ними территории, где данный вид не гнез-

дится. Эта «общая область» превышает по площади пространства, реально занимаемые популяциями в каждый отдельно взятый год.

Для картографического оконтуривания этих областей мы соединяем крайние точки находок, руководствуясь ландшафтно-географическими критериями, с обязательным учётом отрицательных данных. Пункты гнездования, сильно удалённые от основной массы находок, мы отмечаем в качестве изолированных или спорадических гнездовий.

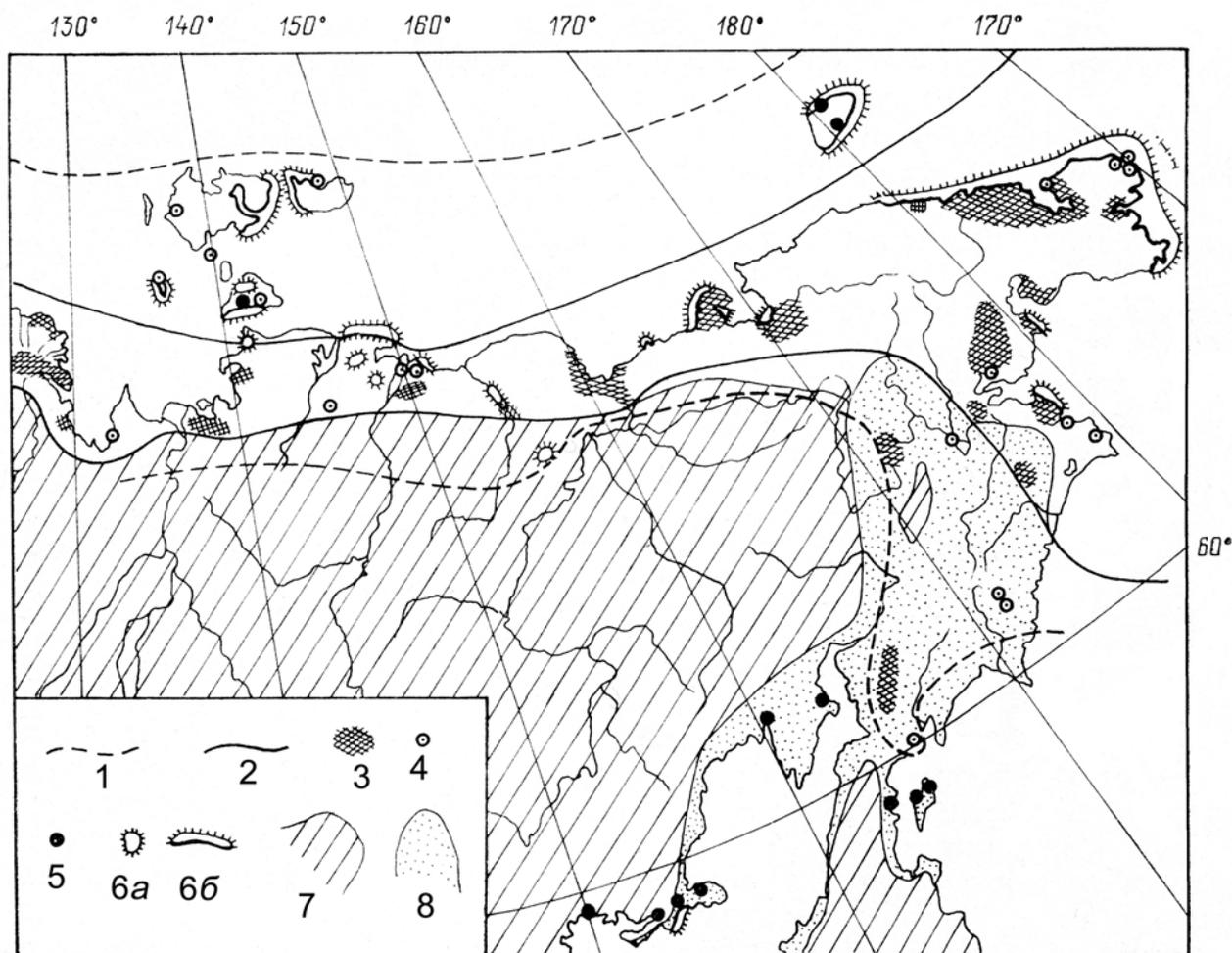

Рис. 1. Летнее распространение морянки *Clangula hyemalis* в северо-восточной Азии. Северная и южная границы: 1 – общей области гнездования; 2 – основной области гнездования; 3 – места, где морянка обычна на гнездовье; 4 – отдельные гнездовые находки вне этих мест; 5 – летние находки, позволяющие предполагать спорадическое гнездование; 6 – места скопления на линьке; а – на пресных водоёмах, б – в прибрежной полосе морей; 7 – область лиственничных или камменноберёзовых лесов и редколесий; 8 – область берингийской стланиковой лесотундры.

В пределах этих общих областей гнездования мы дифференцируем **основные области гнездования**, где вид гнездится более или менее регулярно и с относительно высокой численностью. Остальные территории рассматриваются как периферийные **области нерегулярного или спорадического гнездования**. Аналогичные соображения недавно были высказаны Б.В.Зиминим (1977). Он выделил целый ряд

«концентрических» полос в периферийной области, рассматривая их, в первую очередь, как «географическую проекцию» определённых этапов расселения вида. Во многих случаях это так, но нам хочется подчеркнуть другой аспект. Периферийная область нерегулярного гнездования – естественная часть ареала и тогда, когда ареал остаётся стабильным во времени, и в подавляющем большинстве случаев дело, видимо, так и обстоит. Эта периферийная зона, если брать её в целом, может быть постоянной в пределах достаточно долгого времени. Она – естественный результат дисперсии независимо от того, расширяется ареал вида или нет.

Практическое применение такого подхода иллюстрируют рисунки 1 и 2, показывающие распространение морянки *Clangula hyemalis* и очковой гаги *Somateria fischeri* и составленные нами на основании всего имеющегося ныне материала.

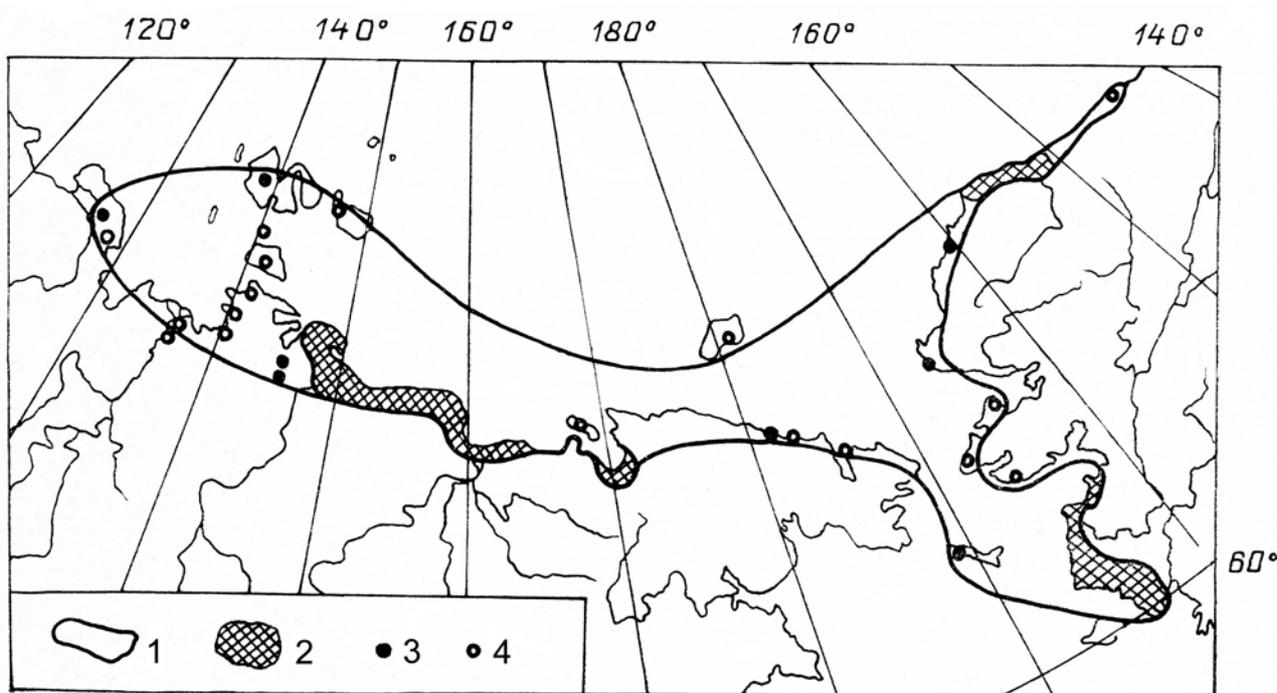

Рис. 2. Область гнездования очковой гаги *Somateria fischeri*.

- 1 – границы общей области гнездования; 2 – основные области регулярного и обильного гнездования; 3 – отдельные гнездовые находки вне этих областей в разные годы; 4 – встречи на пресных водоёмах в гнездовое время, но не доказывающие гнездования.

Существенно, что в Субарктике и Арктике площади периферийных областей по отношению к общей, не столь уж большой площади областей гнездования, сравнительно велики. Они даже могут превышать площадь областей регулярного гнездования, хотя в последних обитает, разумеется, намного больше особей.

При изучении структуры ареалов важное место придаётся показателям численности особей. Однако в отношении птиц из изложенного следует, что применимость данных о плотности гнездовых популяций,

собранных в каждом районе в течение одного сезона, ограничена вследствие возможности сильных локальных флуктуаций, не синхронных в разных местах. Поэтому при анализе структуры ареалов птиц вводить количественные градации плотности популяций можно лишь на основании многолетних данных, когда проясняются как сезонная динамика численности в результате разного рода миграций, так и пределы годовых колебаний.

В зоогеографии уже давно разработаны понятия об оптимуме и пессимуме ареала. Применение этих понятий к птицам чрезвычайно усложняется в связи с сезонными перемещениями последних. Развиваемые выше представления об основной и периферийной областях гнездования в какой-то мере соответствуют классической концепции о зонах оптимума и пессимума, но лишь в применении к определённому сезону и определённой фазе годового цикла популяций. В другие сезоны как географическая картина размещения, так и пространственная структура популяций могут кардинально перестраиваться.

Размещение видового населения в периферийной зоне неравномерно и спорадично, и большие пространства остаются вообще не заселёнными. В основной же области гнездования размещение вида бывает как сравнительно равномерным, так и весьма неравномерным. Примером первой ситуации на Севере может служить, например, самый многочисленный вид тундр – лапландский подорожник *Calcarius lapponicus*. Сравнительно равномерно бывают распределены в пределах подходящих ландшафтов такие виды, как тулес *Pluvialis squatarola*, бурокрылая ржанка *Pluvialis dominica*, длиннохвостый поморник, канадский журавль *Grus canadensis*.

Бросающаяся в глаза неравномерность размещения других видов часто связана с их приуроченностью к узко локализованным биотопам, например, к лентам пойменных ивняков, береговым галечниковым косам, устьям рек и т.п.; в пределах же своих биотопов популяции размещены сравнительно гомогенно. Однако для многих птиц характерна спонтанная неравномерность, пятнистость размещения даже в пределах типичных для них местообитаний в основной части гнездовой области. Так, самки турухтанов *Philomachus pugnax* в прииндигирских тундрах концентрируются на гнездовье вокруг крупных токов самцов, которые располагаются на высоких буграх с ледяным ядром – «булгуньяхах», окружённых низинами, заливаемыми весной талыми и фильтрационными водами. Там же, в дельте Индигирки, чернозобики гнездятся группами по 5-10 пар в 100-300 м друг от друга на участках, где до конца лета сохраняется сеть небольших, но постоянных озёрков; на огромных пространствах дельты между этими участками их нет совсем.

Пятнами, по 5-10 пар, участки обитания которых соприкасались или перекрывались, обитали в 1970 году в тундре северчукотского

побережья американский бекасовидный веретенник *Limnodromus griseus* и перепончатопалый песочник *Calidris mauri*; между этими пятнами оба вида зачастую совсем не попадались на довольно больших пространствах. В тундре у залива Креста такие же пятна образовывали песочник-красношейка *Calidris ruficollis*, бэрдов песочник *Calidris bairdii* и лопатень *Eurynorhynchus pygmeus*; а в низовьях Яны – американская бурокрылая ржанка. В годы изобилия леммингов пятнами (пара от пары в 1 км и даже ближе) гнездятся белые совы *Nyctea scandiaca*; это хорошо известно из литературы (Watson 1957; Uspenski, Priklonski 1961; и др.) и подтверждается нашими наблюдениями. Можно было бы привести и другие примеры.

В большинстве этих случаев пятнистость размещения не находит простого объяснения биотопическими условиями, которые в заселённых «пятнах» и в незаселённых пространствах вокруг них могут быть похожи. Причина, видимо, заключается в особенностях популяционной организации – тенденции поддерживать эволюционно закреплённую оптимальную плотность населения и частоту контактов при любом количестве особей. Такая «ячеистая» пространственная структура популяции, состоящей из отдельных групп «знакомых» между собой особей, вероятно, нормальна для птиц при сравнительно низкой общей численности. Аналогичные данные приводят О.Калела (Kalela 1954) и И.Б.Бируля (1971).

Неравномерность размещения вида внутри области гнездования проявляется и в более крупных географических масштабах. Это, по-видимому, обычное явление у птиц.

Иногда тип размещения внутри ареала постоянен из года в год, иногда же (например, у птиц, питающихся леммингами) места высокой численности меняются, и структура ареала, в принципе «пятнистая», принимает «переливающийся» характер.

Отдельные спорадические гнездовья и залёты

Помимо приведённых выше примеров выявления периферийных зон, стоит упомянуть ещё некоторые случаи спорадических гнездований вдали от основной области, наталкивающие на понимание того, как они формируются.

Белоклювая гагара *Gavia adamsii* загнездилась однажды на острове в Тауйской губе (Васьковский 1956); белошей *Philacte canagica* – на острове Амак (Murie 1959); шилохвость *Anas acuta* – на Земле Элсмита (Maher, Nettleship 1968); кулик-воробей *Calidris minuta* – на косе Беляка в горле Колючинской губы (Кондратьев 1978); краснозобик *Calidris ferruginea* в 1962 и 1972 годах – у мыса Барроу на севере Аляски (Pitelka et al. 1974). Известен целый ряд случаев спорадического гнездования азиатских птиц на крайнем западе Аляски (Портенко 1973;

Кищинский 1979), а чукотских форм – на острове Врангеля, лежащем вне их основного ареала (*Clangula hyemalis*, *Charadrius hiaticula*, *Eudromias morinellus*, *Acanthis flammea exilipes* и др.). В 1897 году в море у острова Карагинский был добыт птенец гребенушки *Somateria spectabilis*, едва начавший летать (Barret-Hamilton 1900). На Новосибирских островах в 1930-1950 годах спорадически гнезвился клоктун *Anas formosa* (Рутилевский 1957). Известны попытки спорадического гнездования белых гусей в последние 20 лет в приколымских тундрах, на острове Айон и у побережий Чукотского полуострова.

Такие попытки могут возникать на путях весенних миграций как до достижения основной области гнездования, так и при «перелёте» через эту область и далее. Залёты за пределы ареала, особенно весенние и раннелетние – обычное явление у птиц. Предлагается даже выделять области регулярных залётов в качестве особых подразделений периферийной зоны ареала (Носков 1976; Зимин 1977). По нашим исследованиям на северо-востоке Азии, «полосы» регулярных залётов хорошо просматриваются у многих птиц, в первую очередь у гусеобразных. Многие азиатские птицы регулярно залетают на Алеутские острова (Byrd *et al.* 1974, 1978).

Эти залёты могут рассматриваться как первый шаг к расширению ареала, но в подавляющем большинстве случаев, по-видимому, они всё же не приводят к закреплению вида на новых местах. Основным препятствием к тому нам представляются не физические преграды в виде гор и проливов, а «биоценотический барьер», который встречают вселенцы в виде местных видов, лучше адаптированных к местным условиям и более многочисленных.

По-видимому, один из обычных путей попадания в новые области – присоединение к мигрирующим стаям птиц экологически близкого вида, имеющего иные пути пролёта. Так, появление молодых дутышей на пролёте на тихоокеанских побережьях СССР и в Японии может объясняться увлечением их по путям пролёта молодых острохвостых песочников *Calidris acuminata*, с которыми они осенью порой образуют общие стаи. Добычу весной в бухте Провидения двух крякв *Anas platyrhynchos*, окольцованных в канадских прериях (Dzubin 1962), можно объяснить увлечением их на пролёте стаями шилохвостей, мигрирующих из Америки на гнездовья на северо-восток Сибири. На острове Врангеля весной изредка появляются вместе со стаями белых гусей канадские казарки *Branta canadensis minima* (Е.В. Сыроечковский, устн. сообщ.).

Приведённые примеры касаются в основном очень дальних случаев спорадического гнездования и залётов. Это крайние проявления нормальных процессов, характерных для периферийной части ареала, по-видимому, не являющиеся первым этапом его расширения.

Общие изменения ареалов

На фоне описанных спонтанных пульсаций и переселений происходят многолетние изменения границ ареалов, связанные с многолетними климатическими колебаниями и изменениями гидрологического режима океанов. Для атлантического сектора Субарктики и Арктики, например, в обширной литературе хорошо документированы изменения ареалов птиц, связанные с потеплением северных широт в 1920-1960 годах и его климатическими последствиями.

Изучая динамику ареалов, чрезвычайно важно отличать истинные, прогрессирующие их изменения от пульсационных процессов, нормально происходящих в периферийной зоне. Это подчёркивал, например, Э.В.Кумари (Kumari 1970). Для этого необходимо располагать данными за значительный период.

Ареалы ряда северных птиц претерпели значительные изменения под влиянием антропогенных факторов, действовавших как в областях гнездования, так и в местах зимовок и пролётов. Общеизвестны уже примеры – истории эскимосского кроншнепа *Numenius borealis* и белого гуся. Приведём ещё некоторые.

В последние 20-25 лет резко снизилась численность многих водоплавающих птиц на северо-востоке Азии, пожалуй, в наибольшей степени – клоктуна. Вероятно, это уже привело к сокращению периферийной части области его гнездования. Если в 1930-е годы эта утка была обычна в чаунской тундре (Портенко 1972), а в 1940-х годах спорадически гнездилась на Новосибирских островах (Рутилевский 1957), то теперь она не встречается ни в низовьях рек Чаунской низменности, ни даже в дельте Индигирки.

Область летнего пребывания якутской популяции стерха *Grus leucogeranus* во второй половине XIX века включала, помимо современной, низменности центральной Якутии, низовья Колымы и северное Забайкалье, впрочем, гнездование в этих местах так и не было доказано.

Бурокрылая ржанка подвида *Pluvialis dominica dominica* в конце XIX века обитавшая в Анадырском хребте, на Чукотском полуострове и западе Аляски (Vent 1927; Портенко 1939, 1972), гнездится теперь лишь в северных и внутренних частях Аляски и далее к востоку. В перечисленных выше областях её место занял сибирский подвид *P. d. fulva* (Gabrielson, Lincoln 1959; наши данные). Во всех этих случаях важную роль сыграла, как можно думать, антропогенная деградация мест пролётных остановок и зимовок.

Не обнаруживает прямой связи с деятельностью человека расселение в последние десятилетия канадского журавля и американского бекасовидного веретенника (рис. 3). Знакомство с образом жизни этих птиц позволяет нам утверждать, что необнаружение их в 1900-1930 годах С.А.Бутурлиным, Й.Куриным и Н.М.Михелем в дельте Колымы и

западнее, а в 1930-е годы рядом лиц в бассейне Пенжины свидетельствует о том, что их в те годы там и не было. Пропустить их при мало-мальски детальном обследовании невозможно.

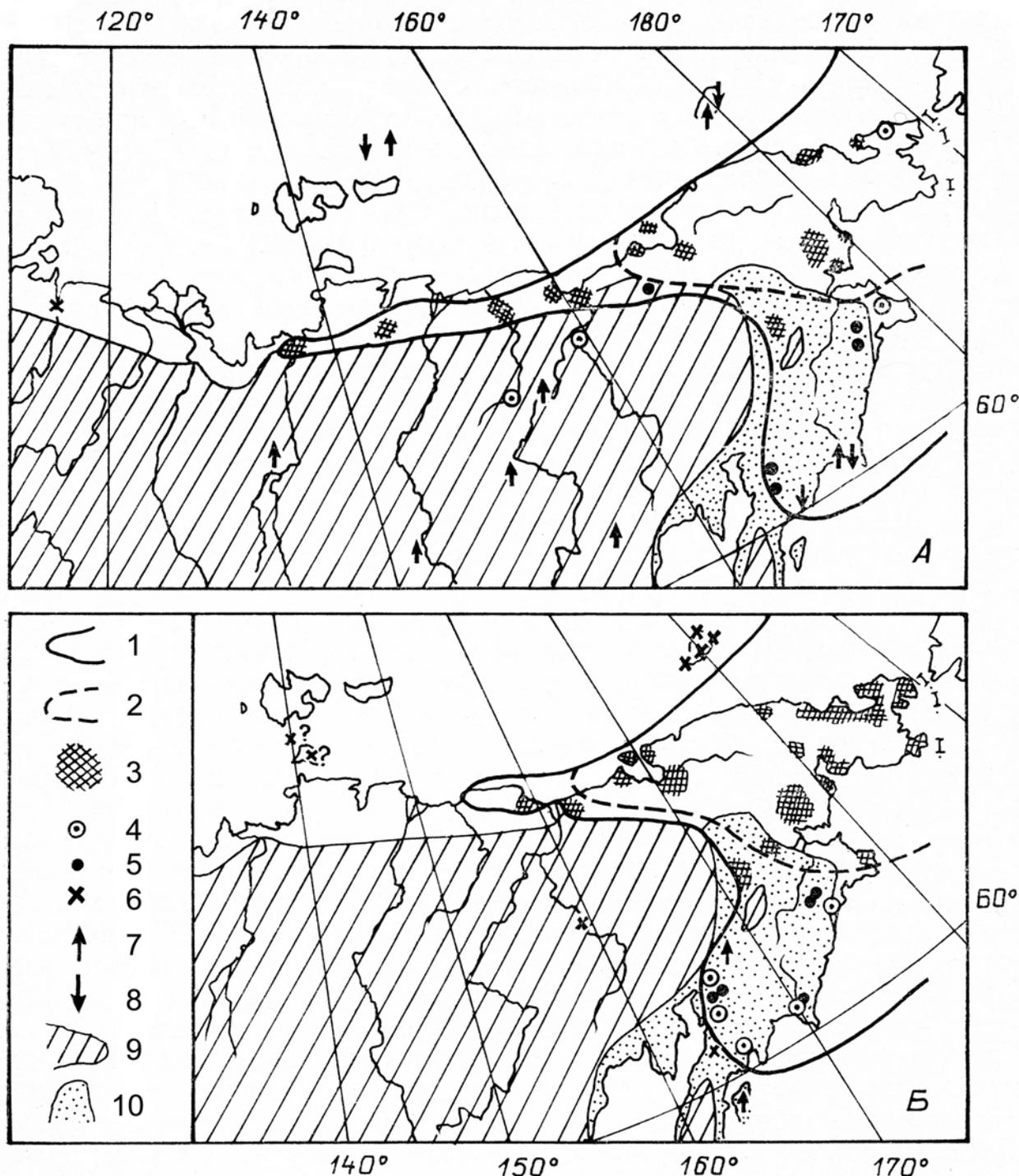

Рис. 3. Изменения областей гнездования американского бекасовидного веретенника *Limnodromus griseus* (А) и канадского журавля *Grus canadensis* (Б).

1 – современные области гнездования; 2 – вероятные границы областей гнездования до 1920-х годов; 3 – места, где данный вид сейчас обычен на гнездовье; 4 – отдельные гнездовые находки вне этих мест; 5 – летние встречи, указывающие на вероятное гнездование; 6 – летние встречи негнездящихся птиц (знак вопроса – если есть сомнения в определении вида). Встречи во время миграций: 7 – весной, 8 – осенью. 9 – область лиственничных или каменноберёзовых лесов и редколесий; 10 – область берингской стланиковой лесотундры.

Сейчас канадский журавль гнездится к западу до Алазеи, а американский бекасовидный веретенник – по крайней мере до Яны. На юг оба они распространились до южных пределов Коряцкого нагорья.

В последнее время продвигается на северо-восток чирок-трескунок *Anas querquedula*. Если в 1930-е годы он лишь изредка залетал в верхнее течение Колымы (Дементьев, Шохин 1939), то сейчас нередок там на гнездовье (Назаров 1971); начиная с 1970 года отмечаются почти ежегодные залёты даже на Алеутские острова (Byrd *et al.* 1974).

В последних трёх случаях не обнаруживается связи расселения с антропогенными факторами, действующими там, куда указанные птицы расселяются. Однако первичной причиной расселения является увеличение общей численности вида в прежнем основном ареале, а оно вполне может быть связано с антропогенными причинами, пока нам неизвестными.

Существенно, что эти быстрые расселения прослежены пока только на протяжении десятилетий; впоследствии они могут оказаться лишь «трансгрессивной фазой» пульсаций с очень длительным периодом.

Ещё ряд случаев естественных расселений северных птиц (как современных, так и несколько более ранних) известен из литературы (Nørrevang 1963; Портенко 1974; Кищинский 1979; и др.). Анализ их показывает, что, несмотря на постоянно происходящие у многих видов птиц выселения и спорадические гнездования, действительные изменения ареалов сравнительно редки. Известные случаи таких быстрых изменений не «подрывают» основ орнитогеографии, но лишь заставляют тщательнее относиться к трактовке фактов и глубже анализировать динамичность современного распространения птиц.

Мы полагаем, что рассмотренные нами особенности распространения птиц в той или иной мере справедливы повсеместно. Однако в молодых, довольно однородных и ещё не вполне «устоявшихся» северных биомах, особенно в тундрах, динамичность размещения птиц проявляется сильнее, а попытки расселения более интенсивны, чем в более стабильных и сложных биомах умеренной полосы. В аридных областях колебания границ ареалов и внутриареального размещения, как известно, вновь становятся велики.

Литература

- Бируля Н.Б. 1971. О структуре зооценологических группировок певчих птиц леса в сезон гнездования // *Бюл. МОИП. Отд. биол.* **76**, 6: 5-21.
- Васьковский А.П. 1956. Новые орнитологические находки на северном побережье Охотского моря // *Зоол. журн.* **35**, 7: 1051-1058.
- Винокуров А.А. 1971. Фауна позвоночных животных района Таймырского стационара (Западный Таймыр) // *Биогеоценозы Таймырской тундры и их продуктивность*. Л.: 212-231.
- Дементьев Г.П., Шохин А.Н. 1939. К авифауне верховьев р. Колымы // *Сб. тр. Зоол. музея Моск. ун-та* **5**: 43-52.

- Зимин В.Б. 1977. О структуре периферийной зоны ареала у птиц // 7-я Всесоюз. орнитол. конф.: Тез. докл. Киев, 1: 62-63.
- Кищинский А.А. 1960. К фауне и экологии птиц Териберского района Мурманской области // *Тр. Кандалакиского заповедника* **2**: 122-212.
- Кищинский А.А. 1974. Биология и поведение кулика-дутьша в восточносибирских тундрах // *Бюл. МОИП. Отд. биол.* **79**, 1: 73-88.
- Кищинский А.А. 1978. Трофические взаимоотношения птиц и некоторых беспозвоночных в тундровых экосистемах // *Журн. общ. биол.* **39**, 2: 212-226.
- Кищинский А.А. 1979. Птицы и вопрос о берингийском соединении материков // *Бюл. МОИП. Отд. биол.* **84**, 1: 5-12.
- Кондратьев А.Я. 1978. Птицы побережий Колочинской губы и о. Колочин // *Экология и распространение птиц на северо-востоке СССР*. М.: 113-191.
- Малышевский Р.И. 1962. Летние наблюдения над птицами Терского берега Белого моря // *Орнитология* **5**: 13-27.
- Назаров Ю.Н. 1971. К фауне птиц юго-запада Магаданской области // *Тр. Сев.-вост. компл. науч.-исслед. ин-та ДВНЦ АН СССР* **42**: 64-66.
- Носков Г.А. 1976. Некоторые особенности вида у птиц // *Материалы 2-го Всесоюз. совещ. «Вид и его продуктивность в ареале»*. Вильнюс: 94-96.
- Портенко Л.А. 1939. Фауна Анадырского края. Птицы. Часть I // *Тр. Науч.-исслед. ин-та полярного земледелия, животноводства и промыслового хоз-ва*. Сер. Промысл. хоз-во **5**: 1-211.
- Портенко Л.А. 1972. *Птицы Чукотского полуострова и острова Врангеля*. Л., **1**: 1-423, **2**: 1-323.
- Портенко Л.А. (1974) 2009. Изменчивость ареалов птиц // *Рус. орнитол. журн.* **18** (539): 2352-2360.
- Рутилевский Г.Л. 1957. Распространение чирка-клоктуна *Anas formosa* Georgi на Новосибирских островах // *Проблемы Арктики* **1**: 165-170.
- Флинт В.Е., Томкович П.С. 1978. Сравнительно-экологический очерк кулика-дутьша и острохвостого песочника // *Сб. тр. Зоол. музея Моск. ун-та* **17**: 73-118.
- Формозов А.Н. 1934. Хищные птицы и грызуны // *Зоол. журн.* **13**, 4: 664-700.
- Andersson M. 1975. Population ecology of the long-tailed skua (*Stercorarius longicaudus* Vieill.) // *J. Anim. Ecol.* **44**, 4: 537-559.
- Barret-Hamilton G.E. 1900. Notes on the birds observed during three visits to Kamtchatka in 1896 and 1987 // *Ibis. Ser. 7.* **6**: 271-298.
- Bent A.C. 1927. Life histories of North American shore birds. Order Limicolae (Part I) // *U.S. Nat. Mus. Bull.* **142**: 1-420.
- Byrd G.V., Gibson D.D., Johnson D.L. 1974. The birds of Adak Island, Alaska // *Condor* **76**, 3: 288-300.
- Byrd G.V., Trapp J.L., Gibson D.D. 1978. New information of Asiatic birds in the Aleutian Islands // *Condor* **80**, 3: 309-315.
- Dzubin A. 1962. Saskatchewan banded Mallard recovered in Eastern Siberia // *Bird-Band.* **33**, 3: 152-153.
- Fay F.N., Cade T.J. 1959. An ecological analysis of the avifauna of St. Lawrence Island, Alaska // *Univ. Calif. Publ. Zool.* **63**, 2: 73-150.
- Gabrielson I.N., Lincoln F.C. 1959. *The birds of Alaska*. Washington: 1-922.
- Galushin V.M. 1974. Synchronous fluctuations in populations of some raptors and their prey // *Ibis* **116**, 2: 127-134.
- Hildén O., Vuolanto S. 1972. Breeding biology of the red-necked phalarope *Phalaropus lobatus* in Finland // *Ornis fenn.* **49**, 3/4: 57-85.
- Höhn O. 1967. Observations on the breeding biology of Wilson's phalarope (*Steganopus tricolor*) in Central Alberta // *Auk* **84**, 2: 220-244.

- Holmes R.T. 1966. Breeding ecology and annual cycle adaptations of the red-backed sandpiper *Calidris alpina* in northern Alaska // *Condor* **68**, 1: 3-46.
- Kalela O. 1954. Über den Revierbesitz bei Vögeln und Säugetieren als Populationsökologischer Faktor // *Ann. Zool. Soc. «Vanamo»* **16**, 2: 1-48.
- Kistchinski A.A. 1975. Breeding biology and behaviour of the Grey Phalarope *Phalaropus fulicarius* in East Siberia // *Ibis* **117**, 4: 285-301.
- Kumari E. 1970. Changes in the bird-fauna of the Matsalu Bay during the last 100 years // *Ornis fenn.* **47**, 2: 45-51.
- Lien L., Østbye E., Hagen A., Skar H.-J., Svalastog D. 1975. Density variations of bird populations in high mountain habitats Harddangervidda // *Ecol. Stud.* **17**: 105-110.
- Maher W.J., Nettleship D.N. 1968. The pintail (*Anas acuta*) breeding at latitude 82°N, on Ellesmere Island, N.W.T., Canada // *Auk* **85**, 3: 320-321.
- Murie O.J. 1959. Fauna of the Aleutian Islands and Alaska Peninsula // *North Amer. Fauna* **61**: 1-364.
- Nørrevang A. 1963. Considerations on avifaunal connections across the North Atlantic // *Dansk. Ornithol. Foren. Tidsskr.* **57**, 2: 99-109.
- Pitelka F.A., Holmes R.T., MacLean S.F. 1974. Ecology and evolution of social organization in arctic sandpipers // *Amer. Zool.* **14**, 1: 185-204.
- Raner L. 1972. Förekommer polyandry hos smalnäbbad simsnäppa (*Phalaropus lobatus*) och svartsnäppa (*Tringa erythropus*)? // *Fauna et Flora* **67**, 2: 135-138.
- Schamel D., Tracy D. 1977. Polyandry, replacement clutches, and site tenacity in the red phalarope (*Phalaropus fulicarius*) at Barrow, Alaska // *Bird-Band.* **48**, 4: 314-324.
- Sladen W.J.L. 1973. A continental study of Whistling Swans using neck collars // *Wildfowl* **24**: 8-14.
- Uspenski S.M., Priklonski S.G. 1961. Zur Biologie der Schnee-Eule in Nordostsibirien // *Falke* **8**: 403-407.
- Watson A. 1957. The behaviour, breeding, and food-ecology of the snowy owl *Nyctea scandiaca* // *Ibis* **99**, 3: 419-462.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 838: 120-124

Заметки к распространению редких видов овсянок в Прибайкалье

В. Е. Ивушкин

Вадим Евгеньевич Ивушкин. Иркутская Зоогалерея.

Ул. Байкальская, 54 – 1, Иркутск, 664022, Россия. E-mail: pyrnhula@mail.ru

Поступила в редакцию 7 января 2013

Ошейниковая овсянка *Emberiza fucata* Pallas, 1776. Этот вид овсянок очень редок в Прибайкалье. Регулярные его встречи зарегистрированы лишь на восточном побережье Байкала, на территории Байкальского заповедника (Бурятия). Впервые я встретил самца ошейниковой овсянки в Иркутской области в июне 1989 года на берегу Байкала, на террасе железной дороги в окрестностях посёлка Маритуй. Птица

сидела на проводах. Это была настолько невероятная встреча, что мало кто поверил информации, полученной от студента. По прошествии многих лет я вновь заметил этих овсянок в подобном биотопе по той же железной дороге, но на 10-20 км севернее. Самка ошейниковой овсянки вылетела из кучи соснового лапника 14 июня 2012 около турбазы «Хвойная» на станции Уланово Кругобайкальской железной дороги. А самец был встречен на следующий день в нескольких километрах от этого места (рис. 1).

Рис. 1. Самец ошейниковой овсянки *Emberiza fucata*. Окрестности станции Уланово Кругобайкальской железной дороги. 15 июня 2012. Фото автора.

Основной гнездовой биотоп этого вида – сырые кочковатые луга с редкой кустарниковой порослью. Только в таких условиях ошейниковая овсянка найдена на гнездовании в Бурятии (Доржиев, Юмов 1991). Однако на Дальнем Востоке эти птицы гнездятся и в других местообитаниях, в частности, на лугах и сухих склонах холмов с низкорослым кустарником, поэтому можно предположить, что они гнездятся в сходных условиях на берегах Южного Байкала. Данные по гнездовой биологии этого вида в регионе очень противоречивы. По сведениям одних авторов эти овсянки не могут делать две кладки за сезон, так как покидают места обитания уже в начале августа (Доржиев, Юмов 1991). По другим сведениям, на более северных территориях осенний пролёт

ошейниковых овсянок начинается со второй половины сентября (Васильченко 1987). Скорее всего, это связано лишь с отсутствием этих овсянок в гнездовых станциях, которые они могут покидать, как и другие овсянки, вместе с выводками на время линьки.

Садовая овсянка *Emberiza hortulana* Linnaeus, 1758. Самец садовой овсянки был встречен 25 мая 2008 недалеко от Иркутска (примерно в 25 км от центра, в садоводстве Фотон, по дороге на Курминский залив Иркутского водохранилища). Он держался в компании пары белошапочных овсянок *Emberiza leucosephala*, кормящихся на садовых участках. Это первая встреча вида в Иркутской области (рис. 2 и 3). Ближайшие зарегистрированные места гнездования этого вида находятся в Бурятии (Тункинская долина, редкие встречи) и на севере озера Хубсугул (МНР, обычный вид).

Рис. 2. Самец садовой овсянки *Emberiza hortulana*.
Садоводство Фотон в 25 км от Иркутска, 25 мая 2008. Фото автора.

Желтобровая овсянка *Ocyris chrysophrys* (Pallas, 1776). Несмотря на ряд публикаций (Доржиев, Юмов 1991; Васильченко 1987; Богородский 1989; Плешанов и др. 1990), распространение, биология и особенности миграции вида в Прибайкалье слабо изучены, а встречи очень редки. Кроме описанных в литературе встреч, в гнездовой период пара этих овсянок была обнаружена летом 1990 года, среди пихтово-елового подроста недалеко от садоводства Университетское (25-й км от Иркутска по Голоустнинскому тракту). Там эти птицы неоднократно отмечались в течение всего лета, но в последующие годы больше не встречались. Во внегнездовой сезон число встреч желтобровых овсянок крайне мало. 27 сентября 1987 года я первый раз увидел самца этой овсянки, которого поймал кот. Это произошло в лесостепной зоне на территории военного госпиталя (станция Оловянная, Забайкальский край). В 2012 году я встретил нескольких особей 21 августа на пролёте под Иркутском. Желтобровые овсянки двигались по полям, где в основном кормились или прятались в окрестных кустах ивы и черемухи (рис. 4). На пролёте они отмечались лишь один день. В Бурятии желтобровая овсянка на гнездовании отмечается регулярно (Доржиев, Юмов 1991; Васильченко 1987; Богородский 1989).

Фото 4. Молодая желтобровая овсянка *Ocyris chrysophrys*.
Окрестности Иркутска, 21 августа 2012. Фото автора.

Дубровник *Ocyris aureolus* (Pallas, 1773). Эта ещё совсем недавно обычная овсянка за последние 15 лет сильно сократила свою численность, исчезнув во многих местах, где гнездилась ранее. Даже там, где

эти птицы ещё остались на гнездовье в долине реки Иркут, их количество уменьшилось почти вдвое. Тем не менее, летом 2012 года было найдено новое гнездовое поселение дубровника. В окрестностях Иркутска, в пойме реки Талька в конце мая я обнаружил 5 поющих самцов. Позднее, в радиусе 500 м от этого места гнездились около десятка этих птиц. Ещё двумя годами ранее дубровников не было ни здесь, ни в окрестных местностях.

Литература

- Доржиев Ц.З., Юмов Б.О. 1991. *Экология овсянковых птиц*. Улан-Удэ: 1-176.
Васильченко А.А. 1987. *Птицы Хамар-Дабана*. Новосибирск: 1-102.
Богородский Ю.В. 1989. *Птицы Южного Предбайкалья*. Иркутск: 1-208.
Плешанов А.С., Бардунов Л.В., Макрый Т.В. и др. 1990. *Уникальные объекты живой природы бассейна Байкала*. Новосибирск: 1-224.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 838: 124-130

К фауне птиц озёр Акколь и Кызылколь в Малом Каратау (Южный Казахстан)

Н.Н.Березовиков

Николай Николаевич Березовиков. Лаборатория орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан.
E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 27 декабря 2012

За время экспедиционной поездки по Южному Казахстану с 14 по 24 августа 2012 посещены озёра Акколь и Кызылколь в Малом Каратау, на которых выполнены учёты птиц.

Акколь

Озеро Акколь (43°25'30' с.ш., 70°46' в.д.) расположено среди опустыненных предгорий Малого Каратау в Таласском районе Жамбылской области. Это озеро, как и большинство водоёмов Южного Казахстана, имеет циклический характер водного режима. Максимальную площадь, до 26 км², оно имело в 1969 году, но в засушливых 1974-1976 годах полностью высохло. В конце 1970-х Акколь начал восстанавливаться, но к 1984 году вновь пересох. С 1990-х годов вновь происходит его постепенное наполнение. В прошедшем десятилетии озеро зарыблено. Основной состав ихтиофауны сейчас составляют лещ *Abramis brama*, карась *Carassius auritus*, судак *Stizostedion lucioperca*, сазан *Cyprinus*

carpio, в меньшем числе – змееголов *Ophiocephalus argus* и толстолобик *Hypophthalmichthys molitrix*.

В прошлом Акколь характеризовался как водоём, богатый водяными птицами (Кашкаров 1928; Долгушин 1960). В настоящее время гнездовой орнитокомплекс крайне обеднённый и находится в стадии восстановления. Однако это озеро продолжает играть важную роль как место миграционных остановок птиц. За период обследования 14-15 августа на нём был отмечен 21 вид птиц (табл. 1). Суммарная численность птиц была в пределах 577-956 особей, однако собственно водяных птиц на акватории и вдоль уреза было очень мало – 30-148 особей на площади до 3 км². Сразу же бросалась в глаза низкая численность речных уток, лысух *Fulica atra*, чаек, крачек и куликов, а также полное отсутствие лебедей, гусей и нырков. Все отмеченные большие поганки *Podiceps cristatus* были взрослыми и явно собрались здесь на линьку. По окрестным каменистым сопкам изредка встречались чернобрюхие рябки *Pterocles orientalis*, саджи *Syrrhaptes paradoxus*, двупятнистые *Melanocorypha bimaculata* и малые *Calandrella brachydactyla* жаворонки.

Таблица 1. Численность птиц на озере Акколь 14-15 августа 2012

Виды птиц	Вечер 14 августа	Утро 15 августа
<i>Podiceps cristatus</i>	32	66
<i>Phalacrocorax carbo</i>	3	13
<i>Egretta alba</i>	3	-
<i>Ardea cinerea</i>	4	2
<i>Anas platyrhynchos</i>	-	54
<i>Circus aeruginosus</i>	1	2
<i>Fulica atra</i>	-	6
<i>Vanellus vanellus</i>	1	-
<i>Himantopus himantopus</i>	1	-
<i>Tringa glareola</i>	1	-
<i>Larus ichthyaetus</i>	5	-
<i>Larus ridibundus</i>	8	-
<i>Larus cachinnans</i>	3	4
<i>Sterna hirundo</i>	-	1
<i>Pterocles orientalis</i>	-	12
<i>Syrrhaptes paradoxus</i>	-	1
<i>Columba livia</i>	-	289
<i>Riparia diluta</i>	500	500
<i>Calandrella brachydactyla</i>	10	-
<i>Melanocorypha bimaculata</i>	5	-
<i>Motacilla feldegg</i>	-	6
Всего	577	956

Расположенное поблизости с Акколем озеро Ащиколь (43°28' с.ш., 70°39' в.д.), имевшее в 1960-х годах площадь до 35 км² и полностью

пересохшее в 1976 году, при нашем посещении представляло собой огромный безжизненный сор. Из птиц в окрестных сопках встретили только одиночного взрослого стервятника *Neophron percnopterus*.

На пути от Акколя к Кызылколю (117 км) по дороге между посёлками Акколь и Кумкент тянутся опустыненные каменистые предгорья Каратау с соровыми понижениями и широкими межсопочными полынными и терескеновыми долинами на серозёмной почве. Из-за безводья и сильной жары птицы встречались исключительно редко. Так, между озёрами-сорами Ащиколь и Сорколь на небольшом сенокосном лугу у села Актобе был отмечен самостоятельно охотившийся молодой луговой лунь *Circus pygargus*, а в зарослях тамариксов у Сорколя – восточная чёрная ворона *Corvus corone orientalis*. Далее по дороге до села Жаилма отмечен один чернобрюхий рябок, а на проводах линии электропередачи учтено 10 одиночных сизоворонок *Coracias garrulus*, стайка из десятка молодых розовых скворцов *Pastor roseus* и две золотистые щурки *Merops apiaster*.

Кызылколь

Озеро Кызылколь (43°44' с.ш., 69°30' в.д.) находится в северных предгорьях Каратау, в 5 км юго-западнее посёлка Кумкент Сузакского района Южно-Казахстанской области. Располагается в глубокой округлой впадине и в северо-западной части окаймлёно лессовыми обрывами и холмами с красноватыми, жёлтыми и белыми обнажениям глин. Побережье имеет две хорошо выраженные террасы: нижняя современная – широкая отлогая полоса вдоль уреза воды, представляющая собой такыры и пухлые солончаки с зарослями солероса и тамариксов, возникла в процессе прогрессирующего обмеления озера. Вторая терраса, кое-где с невысокими береговыми обрывами, представляет собой прежний берег, обильно поросший полынью и верблюжьей колючкой, зарослями чия и чингила. На ней располагаются крестьянские хозяйства и ведётся выпас многочисленного скота. Древняя терраса, находящаяся по верху впадины, представляет собой холмистую полынно-терескеновую полупустыню. В озеро впадает единственная речка Ушбас, берущая свое начало в соседних отрогах невысокой горной гряды Большого Актау (1014 м н.у.м.). В своём нижнем течении она протекает по сильно углублённому весенними паводками руслу, имеющего вид глубокого оврага с рыхлыми обрывистыми берегами высотой 3-5 м. Летом речка сильно мелеет и во время нашего посещения представляла собой отдельные глубокие ямы – бочаги с водой, соединённые между собой слабыми ручьевыми потоками. Вдоль реки имеются фрагментарные заросли тростника, рогоза и отдельные куртины тальника. К обрывистому берегу примыкает солончаковая равнина с довольно густыми и высокими зарослями тамариксов. После

весеннего паводка в течение жаркого лета урез воды на озере отступил на 100 м, образовав широкую полосу, белую от соли. Далее тянулась стометровая мелководная полоса погружённой растительности, к которым были приурочены основные скопления огарей *Tadorna ferruginea*, речных уток и куликов. При этом широконоска *Anas clypeata* предпочитали кормиться на усыхающих мелководьях, имеющих вид соляного раствора, местами с уже образовавшейся по краям соляной коркой.

Ещё в середине XX века Кызылколь был большим полноводным озером, объём воды в котором достигал 130 млн. м³. В нём в большом количестве водились сазан *Cyprinus carpio* и маринка *Schizothorax intermedius*, вёлся промысловый лов рыбы. Благодаря наличию родоновых источников, по берегам озера существовали базы отдыха, где было популярным лечение на грязях. В 1980-1990-х годах озеро начало катастрофически мелеть, объём водной массы сократился до 9 млн. м³ и в нём стала резко увеличиваться солёность. Попытки поднять уровень воды за счёт постройки лоткового канала и подачи воды из речки Баба-Ата в 2003 году были неудачными из-за вывода из строя канала.

Береговая линия Кызылколя за последние 10 лет отступила на 1 км и в настоящее время от прежнего водоёма в его южной части осталась лишь километровая полоса илистых и заболоченных мелководий шириной 200-300 м с сильно засоленными берегами. В озере исчезла рыба, но сазаны и маринка ещё сохранились по глубоким омутам низовьев речки Ушбас, которая летом мелеет настолько, что сохраняется только отдельными бочагами со слабым перетоком воды между ними. Подпитка озера пресными водами Ушбаса, а также из самоизливающейся артезианской скважины недостаточна для поддержания в нём даже минимального уровня водного зеркала, поэтому озеро продолжает с каждым годом сильно мелеть и не исключено его полное высыхание.

Попытки спасения озера путём разработки «Комплекса мер по восстановлению уровня воды в Кызылколе» (2008) и других целевых программ, инициируемых руководством Сузакского района Южно-Казахстанской области совместно с научно-исследовательским институтом водного хозяйства, до сих пор задерживается из-за отсутствия финансирования, несмотря на то, что этот водоём включён в перечень уникальных природных объектов Республики Казахстан, имеющих государственное значение и особую научную ценность. К тому же Кызылколь в 2008 году включён в перечень ключевых орнитологических территорий (код Kz 072), так как является важнейшим местом миграционных остановок водоплавающих и околоводных птиц (Гаврилов Колбинцев 2002, 2008; Коваленко и др. 2002).

Основная концентрация птиц 15-16 августа 2012 наблюдалась в устье речки Ушбас, где и проводились учёты с использованием зри-

тельной трубы, позволявшей просматривать практически всю акваторию озера. Поскольку днём стоял сильный зной с температурой до +45°C и горячим ветром, нагнавшим из пустыни густую пылевую пелену, учёты птиц велись вечером на закате солнца и ранним утром. Всего на побережье Кызылколя зарегистрировано 46 видов птиц, из них 33 вида водно-болотных птиц, численность которых составляла 1548-2578 особей на 1 км² (табл. 2).

Таблица 2. Численность птиц на озере Кызылколь 15-16 августа 2012

Виды птиц	Вечер 15 августа	Утро 16 августа
<i>Ardea cinerea</i>	1	17
<i>Anser anser</i>	44	-
<i>Tadorna ferruginea</i>	111	456
<i>Tadorna tadorna</i>	23	-
<i>Anas platyrhynchos</i>	18	10
<i>Anas crecca</i>	31	-
<i>Anas strepera</i>	23	-
<i>Anas acuta</i>	-	1
<i>Anas querquedula</i>	1477	486
<i>Anas clypeata</i>	51	56
Anatidae	500	-
<i>Circus aeruginosus</i>	4	1
<i>Fulica atra</i>	-	5
<i>Porzana sp.</i>	1	-
<i>Pluvialis squatarola</i>	-	1
<i>Charadrius dubius</i>	-	58
<i>Charadrius alexandrinus</i>	10	24
<i>Vanellus vanellus</i>	-	2
<i>Arenaria interpres</i>	1	-
<i>Himantopus himantopus</i>	15	41
<i>Recurvirostra avosetta</i>	-	44
<i>Tringa ochropus</i>	3	2
<i>Tringa glareola</i>	11	7
<i>Tringa totanus</i>	-	6
<i>Actitis hypoleucos</i>	1	2
<i>Xenus cinereus</i>	1	-
<i>Phalaropus fulicarius</i>	-	2
<i>Phalaropus lobatus</i>	-	5
<i>Philomachus pugnax</i>	51	61
<i>Calidris minuta</i>	-	228
<i>Calidris temminckii</i>	-	10
<i>Calidris sp.</i>	200	-
<i>Glareola pratincola</i>	-	20
<i>Larus cachinnans</i>	-	2
<i>Pterocles orientalis</i>	2	5
<i>Caprimulgus europaeus</i>	1	-
<i>Coracias garrulus</i>	1	-
<i>Alcedo atthis</i>	1	1
<i>Merops apiaster</i>	4	2
<i>Merops persicus</i>	4	-

Продолжение таблицы 2

Виды птиц	Вечер 15 августа	Утро 16 августа
<i>Urua epops</i>	-	1
<i>Riparia diluta</i>	53	50
<i>Melanocorypha bimaculata</i>	-	6
<i>Motacilla feldegg</i>	18	17
<i>Motacilla cinerea</i>	-	2
<i>Hippolais rama</i>	-	3
<i>Muscicapa striata</i>	1	-
<i>Saxicola torquata</i>	1	-
<i>Cercotrichas galactotes</i>	-	1
Всего	2933	1635

На озере в массе концентрировались огари и речные утки, из которых доминировали трескунки *Anas querquedula* и широконоски. Примечательно, что 15 августа на закате солнца наблюдался массовый вечерний перелёт огарей и речных уток вниз по речке Ушбас со стороны гор на озеро. Среди них отмечено 6 групп серых гусей *Anser anser* (3+4+5+8+10 особей), ранее не отмечавшихся для этого озера (Долгушин 1960; Коваленко и др. 2002). Многочисленны были и кулики (18 видов), из числа которых преобладали кулики-воробьи *Calidris minuta*. В заметном числе держались ходулочники *Himantopus himantopus*, шилоклювки *Recurvirostra avosetta*, малые *Charadrius dubius* и морские *Ch. alexandrinus* зуйки. Из куликов, уже начавших миграцию, встречались черныши *Tringa ochropus*, фифи *T. glareola*, травники *T. totanus*, мородунки *Xenus cinereus*, камнешарки *Arenaria interpres*, тулеса *Pluvialis squatarola*, круглоносые плавунчики *Phalaropus lobatus*, а также молодые турухтаны *Philomachus pugnax*. Среди них отметили двух плосконосых плавунчиков *Phalaropus fulicarius*, о появлении которых на юге Казахстана ранее не было известно (Березовиков 2012). Из воробьиных птиц уже шёл пролёт горной трясогузки *Motacilla cinerea*, серой мухоловки *Muscicapa striata*, черноголового чекана *Saxicola torquata*, тугайного соловья *Cercotrichas galactotes* и др.

Следует отметить, что многие птицы во время дневного зноя тяготели к овражистому руслу Ушбаса и густым зарослям тамариксов по его берегам. На небольших тенистых бочагах воды среди тростников и тальников во множестве держались трескунки. Над руслом речки в течение дня непрерывно курсировали мелкие группы бледных ласточек *Riparia diluta*, а также охотились золотистые шурки. Примечательными были охоты молодых болотных луней *Circus aeruginosus*. Летая по оврагу над извилистым руслом речки и неожиданно появляясь из-за кустов, они время от времени поднимали переполох среди птиц. Вначале со звонкими криками разлетались в разные стороны черныши, фифи, шурки, горные и черноголовые *Motacilla feldegg* трясогузки, за-

тем взмывали вверх с бочагов воды стайки по 10-50 напуганных чирков, оживлявших пустынную местность своими частыми перелётами вверх и вниз по речке.

Литература

- Березовиков Н.Н. 2012. Находка плосконого плавунчика *Phalaropus fulicarius* на озере Кызылколь в северных предгорьях Каратау (Южный Казахстан) // *Рус. орнитол. журн.* 21 (798): 2334-2335.
- Гаврилов А.Э., Колбинцев В.Г. 2002. Экспедиции: Кызылколь // *Каз. орнитол. бюл.* 2002: 20.
- Гаврилов А.Э., Колбинцев В.Г. 2008. Озеро Кызылколь // *Ключевые орнитологические территории Казахстана*. Алматы: 192-193.
- Долгушин И.А. 1960. *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 1: 1-470.
- Кашкаров Д.Н. 1928. Экологический очерк района озёр: Бийли-Куль, Аккуль и Ащиккуль Аулие-Атинского уезда // *Тр. Среднеаз. ун-та*. Сер. VIII-а. Зоол. 2: 1-54.
- Коваленко А.В., Гаврилов Э.И., Белялов О.В., Карпов Ф.Ф., Анненкова С.Ю. 2002. Орнитологические наблюдения на озере Кызылколь (Южный Казахстан) в период сезонных миграций // *Рус. орнитол. журн.* 11 (199): 879-887.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 838: 130-131

Могильник *Aquila heliaca* в окрестностях Джаныбека (Волжско-Уральское междуречье)

Г.В.Линдеман

Второе издание. Первая публикация в 1986*

В глинистой полупустыне в 25 км северо-восточнее Джаныбека первое жилое гнездо могильника *Aquila heliaca* найдено в 1975 году. На старой ветле у заброшенного колодца внутри кроны на высоте 7 м могильник расширил и надстроил гнездо курганника *Buteo rufinus* – обычного обитателя подобных одиночных деревьев. В 1975 и 1976 годах гнездо разорялось (пропадали яйца или маленькие птенцы), и в 1977 году могильники (видимо, та же пара) заняли другое гнездо курганника, в 30 км от описанного, тоже на большой ветле, где успешно гнездились до 1982 года. В 1983 гнездо пустовало.

Одиночные негнездящиеся взрослые птицы не ежегодно встречаются близ Джаныбека во второй половине июня и в начале июля, причём обычно задерживаются в лесных насаждениях Джаныбекского

* Линдеман Г.В.. 1986. Краткие сообщения о могильнике [Уральская область] // *Редкие животные Казахстана*. Алма-Ата: 132.

стационара на несколько дней. Осенью одиночки и пары ежегодно бывают здесь в конце августа и в сентябре. Одиночные могильники в сентябре 1979 году трижды отмечены в окрестностях села Урда.

Все встречи могильников относятся в основном к взрослым птицам в окончательном наряде. Птиц в первом гнездовом и в промежуточных нарядах трудно отличить от степных орлов *Aquila nipalensis*, поэтому в действительности могильников здесь может быть больше.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 838: 131

Чибис *Vanellus vanellus* на арктическом побережье Чукотки

М.С.Стишов, П.В.Марюхвич

*Второе издание. Первая публикация в 1992**

31 мая и 1 июня 1990 на арктическом побережье Чукотки в районе мыса Якан (150 км западнее мыса Шмидта) наблюдали пару чибисов *Vanellus vanellus* на небольшой сырой прогалине в устье ручья, впадающего в реку Екаэнмываам в 4 км от берега моря. Находка отстоит на 2 тыс. км от ближайших известных пунктов встреч чибиса в центральной Якутии.

* Стишов М.С., Марюхвич П.В. 1992. Чибис на арктическом побережье Чукотки // *Информация Рабочей группы по куликам*. Новосибирск: 67.